

Эмилия Дорошко
(Университет Николая Коперника, Торунь, Польша)

Явление калькирования в польском говоре жителей деревни Вершина в Сибири¹

The phenomenon of linguistic calques in the Polish dialect of Viershina village in Siberia

Резюме: Жители польской деревни Вершина, находящейся в Восточной Сибири, пользуются малопольским диалектом уже более ста лет. Настоящая статья посвящена русскому влиянию на говор вершининцев, а точнее языковым калькам. Этот вид языковой интерференции можно разделить на пять групп: структурные (словообразовательные), семантические, фразеологические, морфологические и синтаксические кальки. Анализ собранного материала выявил характерные черты языковых калек, помог определить их сходные черты и различия, а также способ их образования. Проведенный анализ показывает сильное влияние русского языка на польский говор, в котором помимо языковых калек функционируют также заимствования, русские вкрапления, гибриды.

Ключевые слова: Вершина, польский говор, двуязычие, интерференция, языковая калька

Summary: Vershina is a Polish village in Siberia inhabited by Polish settlers who moved there of their own volition. The migration was a result of attempt of improving the economic standards of their living. As they reach the territory of the Russian nation, Polish settlers started the process of gradual language assimilation. As a result, they create a unique Polish dialect that is used up to nowadays. Polish dialect contains linguistic calques, borrowings, hybrids and more examples of linguistic interference. The article presents the topic of linguistic calques, grouping them into five groups (structural, semantic, phraseological, morphological and syntactical) and gives examples of each of the group. It shows how big the influence of the Russian language on the Polish dialect is.

Key words: Vershina, Polish dialect, bilingualism, interference, linguistic calque (loan translation)

Польская деревня Вершина, расположенная в 130 километрах севернее Иркутска, уже 107 лет является домом для польских эмигрантов (Гольцекер 1989: 133). Именно в 1910 году поляки, проживавшие в западных губерниях бывшего Царства Польского, благодаря решению царской администрации получили возможность добровольно переехать в Восточную Сибирь (Петшик 2008: 6). Тогдашний министр внутренних дел Петр Столыпин, стремившийся использовать незаселенную часть Сибири, позволил полякам без принуждения покинуть родные территории, предлагая им благоприятные условия переезда (Nowicka 2013: 15). Ввиду начинающегося экономического кризиса жители таких городов, как Домброва

---

¹ Настоящая статья написана на основе неопубликованной магистерской работы автора *Языковые кальки в польском говоре жителей деревни Вершина в Сибири*, Торунь 2017. Большинство приведенных примеров были зафиксированы во время научных экспедиций в Вершину в 2008, 2011 и 2016 гг.

Гурнича (польск. Dąbrowa Górnicza), Олькуш (польск. Olkusz), Заверце (польск. Zawiercie), Блендув (польск. Władów), Загуж (польск. Zagórz), Пётркув-Трыбунальский (польск. Piotrków Trybunalski) и Кельце (польск. Kielce) (Гольцекер 1989: 142-143; Пасько 2011: 76; Ananiewa 2007: 26-29), решили покинуть родные земли в поисках лучших условий жизни. Весной 1910 года поляки заселили территорию Трубачеевского участка, впоследствии названную ими Вершиной (Пасько 2011: 72-73; Głuszkowski 2009b: 15).

Оказавшись на Дальнем Востоке, поляки стремились передавать свои традиции из поколения в поколение – они говорили на польском языке, праздновали католические праздники, а также возделывали землю польскими инструментами (Głuszkowski 2009b: 15). Ближайшими соседями являлись буряты, которые практически во всем отличались от вершининцев (другие обычаи, язык, религия), что способствовало сохранению польской независимости на чужбине (Пасько 2011: 73).

Однако исторические события сильно повлияли на дальнейшую судьбу жителей деревни. После Октябрьской революции (1917) в Вершине было создано коллективное хозяйство (колхоз). Во время Великой Отечественной войны, в результате сталинских репрессий было запрещено обучение польскому языку в местной школе. Кроме того, на шестьдесят три года был закрыт костел, построенный в 1912 году (в этом выразилось стремление власти к атеизации населения). В 1937 году жители Вершины не избежали сталинских репрессий. В ноябре и декабре Народный комиссариат внутренних дел (НКВД СССР) арестовал тридцать² жителей деревни, которые потом были расстреляны по фальшивым обвинениям.

Современный период для вершининцев является более спокойным (Głuszkowski 2012: 430). С 1989 года в школе можно вновь обучать детей польскому языку, в 1992 году жители начали ремонтировать костел, который в настоящее время постоянно развивает свою деятельность (Figura 2003: 95-96; Paško 2009: 23, Paško-Konecniak 2011a: 29).

Жители Вершины – двуязычное общество (Paško-Konecniak 2011a: 30; 2017: 335). Они пользуются особым польским говором, на который сильно повлиял русский язык. Официальный язык жителей деревни – русский язык. Главной причиной влияния русского языка на говор является местонахождение деревни, а именно расположение на территории Российской Федерации. Кроме того, соседями вершининцев являются буряты (село Дундай) и украинцы (село Тихоновка), а в самой Вершине проживает несколько русских и одна бурятская семья (Mitrenga-Ulitina 2015: 25), ввиду чего возникла необходимость найти «общий» язык, позволяющий общаться друг с другом представителям всех названных этносов, тем более что поляки начали вступать в смешанные браки. Именно таким «языком-связкой» стал русский язык (Пасько 2011: 73, Nowicka 2004: 16).

---

² Согласно разным источникам, число арестованных составило 31 человек (Masiarz 2016: 185) или 32 человека (Figura 2003: 31).

В двуязычном обществе можно выделить первичный и вторичный языки³. Первичный язык – это язык, «передаваемый детям напрямую, без посредства другого языка, усваиваемый первым, на котором говорят дома». Он употребляется в повседневных разговорах. Вторичный язык усваивается вторым, это публичный и официальный язык. Согласно определению Л. Завадовского, для вершининцев первичным языком, передаваемым детям без поддержки другого языка, является польский язык, а вторичным – русский (Пасько 2011: 75).

Особенности польского говора подчеркивает А. Уминьска, по мнению которой в Вершине можно услышать две разновидности польского языка: польский говор (в состав которого входят говоры с территории Малой Польши), а также литературный польский язык, выученный жителями в школе в Вершине и Дундае или в Польше. Польский говор передается в устном виде из поколения в поколение в повседневной коммуникации (Umińska 2013: 31).

Говор жителей польской деревни можно охарактеризовать как островной. По определению Ириды Грек-Пабис, островной говор – это говор, оставшийся в окружении чужого языка, не имеющий территориального контакта со своим общенациональным языком (Grek-Pabisowa 1983: 8). Дорота Пасько-Конэчняк определяет вершининский говор как «specyficzną gwarę wyspową, ponieważ wielu jej mieszkańców ma kontakt z literackim językiem polskim, dzięki wyjazdom do Polski» (Paško 2017: 335-336, ср. Paško 2009: 22; Paško-Koneczniak 2011a: 30).

С момента создания деревни в повседневной коммуникации ее жителей преобладает польский говор. Даже если дети говорят на русском языке, старшее поколение пытается пользоваться своим родным языком, знакомя детей с говором (Mitrenga-Ulitina 2015: 25). Однако на протяжении десятилетий в Вершине наблюдается постепенное исчезновение польского говора. Жители все чаще переходят на русский язык, который для всех членов общины становится «универсальным» (Głuszkowski 2009a: 8).

Когда поляки приехали в Вершину, между собой свободно общались на родном языке. Даже когда не было польской школы и доступа к газетам и книгам, молодое поколение перенимало у родителей все особенности диалектной речи в устном общении. Скоро язык ожидали неизбежные изменения (Пасько 2011: 77). Новые слова и словосочетания, появлявшиеся по мере развития технологий, жители Вершины начали заимствовать из русского языка. Возникшая в результате столкновения польского и русского языков интерференция стала важным фактором формирования своеобразного говора жителей Вершины, в котором отмечается сильное влияние русского языка на лексическом уровне (Paško-Koneczniak 2011a: 30).

Влияние русского языка на говор жителей деревни Вершина заметно в приспособлении слов и выражений русского происхождения, вошедших сегодня в говор и употребляющихся в повседневном общении. Данный процесс в разной степени наблюдается на всех уровнях языка, т.е. на фонетическом, лексическом и синтаксическом (Дорошко 2017: 22, 71-72). В польском говоре вершининцев

---

³ Согласно определению Л. Завадовского в: *Fundamental relations in language contact*, «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego» 1961, zeszyt XX, Wrocław-Warszawa-Kraków, с. 10-18; цитируется по: Zielińska 1996: 22.

отмечаем следующие языковые явления, которые следует рассматривать как результат польско-русского языкового контакта⁴:

- 1) *заимствования* – слова, возникшие в процессе, когда элемент одного языка принимается в систему другого языка. В систему другого языка он входит по разным причинам, чаще всего из-за отсутствия названия предмета или явления в результате развития современных технологий (Paško-Koneczeniak 2011b: 70-71), напр. *vrač* ‘lekarz’: On ‘i n’ e znali vračof; *rab’otnig* ‘robotnik, pracownik’: os’ec był *rab’otnig* (Гольцекер 1989: 138, 140)⁵;
- 2) *вкрапления* (вставные слова) – отдельные слова и словосочетания, которые входят в новую систему без каких-либо изменений; они остаются «в синтаксических сочетаниях с остальными компонентами высказывания»⁶ (Paško-Koneczeniak 2011b: 56), напр. *bl’iže* ‘bliżej’: Te [sórki], co sum bl’iže, to częściej sum (ср. рус. ближе); *v żyv’ux* ‘żyjący’: Tutaj zięc. Nie ma go v żyv’ux (ср. рус. в живых); *tur’isty* ‘turyści’: A wy tur’isty? (ср. рус. турист);
- 3) *гибриды* – слова, возникшие в результате соединения элементов одного языка с элементами другого языка. Процесс можно назвать также своеобразной контаминацией элементов как минимум двух языков (Paško-Koneczeniak 2011a: 33), напр. *jedń’orka* (польск. ‘jedynka’ + рус. ‘четверка, пятерка’): Tam tramwaje idą czeriez rynek, tramwaje jedń’orka i dwójka idzie; *um’ejšać śen* (польск. ‘zmniejszać się’ + рус. ‘уменьшить, уменьшаться’): Nie każdy raz daje się tak wszystko zapamiętać. Pamięć um’ejša śen i um’ejša; *doskon’alno* (польск. ‘doskonale’ + рус. ‘замечательно’): Trzeba doskon’alno człowieka znać;
- 4) *языковые кальки* – единицы, созданные путем буквального перевода их чужих образцов. В принимающем языке они являются новыми единицами в области грамматической и семантической систем, иногда также в области лексической системы данного языка (Obara 1989a: 193; ср. Paško-Koneczeniak 2011b: 103), напр. *prac’ovać naučyc’elkom* ‘pracować jako nauczycielka’: Naučyc’elkom instytutu jej mama prac’uje; *f’ sedem g’ożin, v ośem g’ożin* ‘o siódmej, o ósmej’: Możesz f’ sedem g’ożin, możesz v ośem g’ożin; *u każd’ego* ‘każdy ma’: U każd’ego swoja bania;
- 5) *полукальки* – слова, являющиеся результатом частичного перевода чужого образца (слова или словосочетания), напр., болг. *стенвестник* (рус. стенгазета). Полукальки часто похожи на гибриды, однако гибриды создаются при помощи разноязычного материала. Не все полукальки в своем составе содержат разноязычные морфемы, поэтому нельзя ставить знак равенства между этими двумя терминами (Obara 1989b: 23).

В настоящей статье мы сосредоточимся на явлении языковых калек, функционирующих в польском говоре жителей деревни Вершина – на их анализе, выявлении их особенностей и выделении их разновидностей.

⁴ Проанализированные слова записаны в упрощенной фонетической транскрипции при помощи знаков славистической транскрипции.

⁵ Большинство примеров языковой интерференции собрано во время научных экспедиций в Вершину в 2008, 2011, 2016 г. Остальные были найдены другими исследователями, т.е. Paško-Koneczeniak 2009, Гольцекер 1989.

⁶ Приведенная выше цитата переведена с польского языка автором.

Термин «языковая калька» сложно однозначно определить. Среди лингвистов существуют разные определения данного языкового явления, а также разные виды калек согласно их особенностям. Фактором, осложняющим классификацию, являются схожие черты определенных видов калек, которые можно приписать к нескольким группам. Другая трудность заключается в определении четкой границы между кальками и другими языковыми единицами (Obara 1989b: 16).

Большинство лингвистов понимают языковую кальку как отдельный вид языковой интерференции. *Большой энциклопедический словарь* определяет кальки как отдельную группу лексем, сильно связанных с заимствованиями (Добродомов 1988: 158–159). По мнению Л.П. Ефремова или Н.М. Шанского, процесс калькирования – это передача внутренней формы языка А языку Б, что одновременно препятствует признанию их заимствованиями (Багана 2007: 6-7). Традиционные дефиниции языковой кальки подчеркивают один главный компонент, т.е. наличие перевода. В *Encyklopedii językoznawstwa ogólnego* данный термин объясняется как слово или выражение, образованное при помощи существующих уже в принимающем языке элементов на основании семантического образца чужого языка (Polański 1999: 284). В данной статье для описания и систематизации языковых калек мы принимаем дефиницию Е. Обары, который понимает языковые кальки как языковые единицы, которые создаются путем буквального перевода их чужих образцов. Языковые кальки обогащают принимающий язык в лексическом, грамматическом и семантическом планах (Obara 1989a: 193).

Особенностью языковых калек является возможность отразить в принимающем языке некоторые особенности чужого языка (в данном случае русского языка). Такие свойства могут охватывать словообразовательную структуру слова или словосочетания (словообразовательные кальки), значение слова (семантические кальки), сочетания лексем, составляющие разного рода фразеологизмы (фразеологические кальки), синтаксические взаимосвязи между словами (синтаксические кальки) или систему выделения грамматических категорий (морфологические кальки) (Obara 1989a: 194; ср. Paško-Konecniak 2011b: 104). Согласно дефиниции Обары, все отмеченные в статье языковые кальки подразделяются на три основные группы: лексические (в состав которых входят структурные (словообразовательные) и семантические кальки), фразеологические и грамматические кальки (среди которых выделяем морфологические и синтаксические) (Obara 1989a: 193).

Структурные (словообразовательные) лексические кальки – это лексические единицы, которые по своей структуре и семантике напоминают слова из другого языка. Данный вид кальки возникает в результате воздействия словообразовательной системы языка Б (в данном случае системы русского языка) на словообразовательную систему принимающего языка А (польского говора). В зависимости от точности подражания структуре и семантике своим иноязычным образцам, словообразовательные кальки можно подразделить на: *точные кальки*, которые точно копируют структуру и семантику чужих образцов, а также *неточные кальки*, у которых фиксируются разного типа отступления от следования конструкции и семантике иноязычных слов (Obara 1989b: 60, ср. Paško 2009: 25). В польском говоре

жителей деревни Вершина лексические словообразовательные кальки являются особенными дериватами, которые возникли под влиянием русского языка. Это также новые лексические единицы, копирующие чужие образцы (Paško 2009: 26). Ниже приводятся многочисленные примеры словообразовательных языковых калек в польском говоре вершининцев: *'odżyć* 'przeżyć życie', ЖI⁷: *My już swoje odżyl'i lata* (префикс *od-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. отжить) (Paško 2009: 27); *ux'ożić* 'odchodzić', МI: *Wam żyć, a nam już ux'ożić* (префикс *u-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. уходить); *ośv'enčić* 'poświęcić', ЖII: *Irenka zawsze jajki krasí, do kościoła tyż niesie, żeby ośv'enčić* (префикс *o-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. освятить); *pšym'ože* 'okolice nadmorskie lub pomorze (lecz nie nazwa regionu)', ЖI: *Na pšym'ożu my byli* (префикс добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. приморье) (Paško 2009: 26); *pšyzn'avać B'oga* 'uznawać Boga', МI: *On w takich stranach był, co wcale P'ana B'oga nie pšyzn'av'al'i* (префикс *pšy-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. признавать Бога); *z'axćeć* 'zechcieć', ЖII: *Dużo dzieci [jeździ do Polski]. Wnuk każdy rok [jeździ]. W tym roku nie z'axćał jechać* (префикс *za-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. захотеть); *v'upaść* 'spaść', ЖI: *Kiedy śnieg vup'adńe, zima, to prawda, nie ma już much* (префикс *vu-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. снег выпал); *ok'ońcyć* 'ukończyć', МI: *Ok'ońcył ja tyż Instytut Agropoma* (префикс *o-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. окончить); *pov'eżyć* 'uwierzyć', МI: *Pov'eżyće czy nie, że leśny duch jest [istnieje w lesie]? ЖI: Ja przyjechała, uważała ją za taką spiłą, że pov'eżyć nie chciałam* (префикс *po-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. поверить); *uv'iżeć* 'dk. zobaczyć, ndk. widzieć', ЖI: *Dopiro ludzie piniundze uv'iżel'i* (префикс *u-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. увидеть) (Paško 2009: 26); *otp'uścać* 'puszczać, wypuszczać', ЖI: *I się tu w szkole dobrze tak ucyła. Nie chcieli otp'uścać jej [pozwolić jej wyjechać]* (префикс *ot-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. отпускать); *pozv'ońić* 'zadzwońić', ЖI: *Ja tam rozv'ońe* (префикс *po-* добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. позвонить); *gź'eś-to* 'gdzieś', ЖI: *Człowiek gź'eś-to idzie* (формант 'to' добавлен под влиянием русского языка; ср. рус. где-то) (Paško 2009: 26).

Семантическая калька – вид лексической интерференции, особенностью которого является приобретение исконными словами новой семантики согласно парадигмам чужого образца. В данном процессе не возникают новые лексемы, а расширяется полисемия и системная омонимия (Krawczyk 2007: 65). Согласно Обаре, семантическую кальку можно охарактеризовать как «wyraz rodzimy, który pod wpływem swego semantycznego odpowiednika obcego uzyskał nowe znaczenie, który skopiował sieć powiązań semantycznych wzoru» (Obara 1989b: 75).

Процесс создания данного вида кальки включает в себя принятие звуковых или графических особенностей калькированного слова вместе с его образцом (Obara 1989b: 75). Такие лексические единицы могут развиваться под влиянием заимствованной новой семантики по-разному, напр., слово параллельно со своим

⁷ Все информанты (Ж - женщина, М - мужчина) разделены по поколениям на четыре группы в зависимости от их образования, социального статуса, а также степени близости с польским языком: поколение I – жители в возрасте старше 56 лет; поколение II – жители в возрасте 31-55 лет; поколение III – жители в возрасте 15-30 лет; поколение III(д) – жители в возрасте до 15 лет. Возраст информантов считается по отношению к году сбора материала.

значением получает новое (часто переносное) от заимствованного многозначного слова, основное значение которых совпадает друг с другом, или новое семантическое значение может быть эффектом похожей графической структуры, а также звучания (Obara 1989b: 42). Следует заметить, что особенностью семантических калек является факт, что они не создаются путем калькирования структуры. *Novum* представляет собой семантика, т.е. новое лексическое значение (Obara 1989b: 42). В польском говоре вершининцев семантические языковые калки являются самой многочисленной из всех групп языковых калек, напр.: *majstr'ovać* ‘robić’, MI: Ten kredens w kuchni ja go sam majstr'ował (сходство звучания; ср. рус. мастерить); *być zapšeć'onym* ‘być zakazanym’, MI: Bogate rodzice córków nie dawali wychodzić za mąż za biednego. To b'ulo zapšeć'one (слово ‘zaprzeczyć’ существует в польском языке, однако в другом значении ‘отрицать’; ср. рус. быть запрещенным); *d'ešče 'idom* ‘padają deszcze’, ЖП: Tygoz d'ešče 'idom. Trzeba schodzić [do lasu po grzyby] (сходство звучания; ср. рус. дожди идут); *żeń uroz'eña* ‘urodziny’, ЖП: A już się tak nie chodzi do sąsiadów jak kiedyś po domach? No cóż. Może starsi ludzie to się więcej po domach zbierają. Jak dñi uroz'eña to sąsiadów przygłoszą (сходство звучания; ср. рус. день рождения); *'otkryć* ‘otworzyć’, ЖП: W sunsiedniej wiosce otkryl'i średnią szkołę, jedenaście klasów; ЖП: Pierwszy rok jak otkryl'i kościół, to [ksiądz] był na cały rok, w szkole mieszkał (в польском языке слово ‘odkryć’ обозначает ‘раскрыть, обнаружить’; ср. рус. открыть); *stać* ‘kosztować’, MI: Fotografie nie tak po prostu [można] zbierać. To st'oi pieniądze. MII: Tam drogo kura st'oi (в польском языке также существует глагол ‘stać’, однако в значении ‘стоять’; ср. рус. сто́ит⁸); *t'añi trud* ‘tania siła robocza’, MI: Každy chce za szczot kogoś żyć. Eksporcirować na t'añim tr'udu. Mało płacić, więcej korzystać (в польском языке также существует слово ‘trud’, однако слово употребляется в качестве сложной и тяжелой работы; ср. рус. дешевый труд); *zакr'ywać śen* ‘zamykać się’, MI: Tam spuszczać się było po drabinie i także wychodzić po drabinie, a z wierchu miał taki luk, co zakr'ywał śen (слово употреблено под влиянием русского языка; ср. рус. закрываться); *pozdejm'ovać* ‘pofotografować’, ЖИ: Teraz fotoaparat wszystkich ze wsi zdina. Dumy takie pozdejm'ovane po Wierszynie, nazdejmuje ich (в польском языке существует слово ‘zdjąć’, однако оно употребляется в значении ‘снять’; ср. рус. снимать); *dr'ug'i* ‘inny’, ЖИ: Syn tyż miał teraz przyjechać motor postawić dr'ug'i (в польском языке слово ‘drugi’ обозначает ‘второй’; ср. рус. другой); *pš'yślać na 'im'en* ‘przysłać na nazwisko’, MI: To [tę fotografię] pš'yśl'icie na 'im'en Ludy? (конструкция со словом ‘im'en’ употреблена под влиянием русского языка; в польском языке слово ‘imię’ выступает в значении индивидуального названия человека; ср. рус. посылать на имя); *na p'am'enć* ‘na pamiątkę’, ЖП: Choć i w Polsce takich mrozów ni ma, jak u nas tu, w Sibirii, to babcia bardzo była dawolna, że taki prezencik dostała od nas na p'am'enć (в польском языке слово ‘na pamięć’ обозначает ‘наизусть’; ср. рус. на память); *tramv'aje 'idom* ‘tramwaje jadą’, ЖП: Tam tramv'aje 'idom czerez gunek (под влиянием русского языка при определении движения трамвая употребляется глагол ‘идти’; ср. рус. трамвай идет); *zv'onki 'idom*

⁸ В русском языке существуют два глагола (стоять, стоять), формы которых в 3 лице ед. числа настоящего времени отличаются лишь ударением: сто́ит (т.е. имеет определенную цену) и стои́т (т.е. находится в вертикальном положении).

'jest sygnał', ЖІ: *Zv'onki 'idom, a ja co mówię, to uni mnie nie słyszą* (точный перевод русского устойчивого словосочетания; ср. рус. гудки идут).

Вторую группу составляют фразеологические кальки, которые являются точными или неточными переводами чужих фразеологизмов. Перевод заимствованных словосочетаний может происходить с соблюдением разной степени устойчивости отношений между их членами. Среди фразеологических калек, в зависимости от степени точности перевода, можно выделить устойчивые сочетания, компоненты которых, несмотря на языковую ситуацию, не меняются; сочетания, в которых допускается некоторая замена компонентов, если значение словосочетаний совпадает друг с другом; и свободные сочетания, компоненты которых могут меняться в зависимости от намерения говорящего (польск. *związki stałe, łączliwe, luźne*) (Obara 1989b: 50). Можно также выделить кальки-аббревиатуры, т.е. перевод заимствованных акронимов (напр. англ. UNO (United Nations Organisation) – польск. ONZ (Organizacja Narodów Zjednoczonych), рус. ООН (Организация Объединенных Наций)). Однако кальки-аббревиатуры в исследуемом говоре не были зафиксированы. Фразеологических калек значительно меньше, чем остальных типов данного вида языковой интерференции, напр.: *'lata sv'oje b'orom* 'lata robią swoje, czas robi swoje' МІ: *L'ata sv'oje b'orom. Nie żałuję się* (русский фразеологизм переведен на польский язык; ср. рус. года берут свое); *zał'ożyć s'ob'ie r'ence* 'popełnić samobójstwo', ЖІ: *Trzeba przeżyć wsio ispytanie. Cierpimy. Inni to by s'ob'ie r'ence założyli* (ср. рус. наложить на себя руки).

Согласно дефиниции Обары, морфологические кальки выделяются как самостоятельный вид, хотя в говоре жителей Вершины было отмечено небольшое их количество. Суть морфологической кальки заключается в заимствовании принимающим языком (здесь польским говором) определенной грамматической особенности или правила, часто в изменении грамматической категории (Obara 1989b: 58). Морфологические кальки могут возникать в результате, например, замены единственного числа множественным, множественного числа единственным или, например, замены мужского рода женским (Paško-Konecniak 2011b: 124). Были отмечены следующие морфологические кальки: *nie p'xychoż'ilo śen* 'nie zdarzyło się, nie przyszło', МІ: *No, dzięki Bogu, nie p'xychoż'ilo m'i śen las gasić* (под влиянием русского языка к польскому глаголу добавлен возвратный постфикс '-ся'; ср. рус. приходится); *s'ama m'l'otša* 'najmłodsza', ЖІ: *Dwie siostry na siewiere żyją, s'ama m'l'otša 50 lat* (под влиянием русского языка превосходная степень прилагательного образуется со словом 's'am'; ср. рус. самая младшая); *s'ama najmń'ejša* 'najmłodsza', ЖІ: *Ja się nazywam Antonina, starsza Karolina, druga Galina, syn Edek i s'ama najmń'ejša – Olga* (под влиянием русского языка превосходная степень прилагательного образуется со словом 'sam'; ср. рус. самая младшая); *s'ama st'arša* 'najstarsza', МІ: *S'ama st'arša, Żenia, była nauczycielką* (под влиянием русского языка превосходная степень прилагательного образуется со словом 'sam'; ср. рус. самая старшая).

Суть синтаксической кальки заключается в перенесении «правил перехода от глубинной структуры к поверхностной» из одного языка в другой или перенесении «правил оформления поверхностной структуры в предложении, в особенности правил

порядка слов»⁹ (Obara 1989b: 53-5416). В результате взаимодействия двух языков наблюдается усвоение принимающим языком некоторого морфологического образца или синтаксической конструкции языка-источника (Obara 1989b: 57). Данную группу калек можно подразделить на несколько групп, которые отличаются друг от друга, в зависимости от способа образования. Согласно мнению Дороты Пасько-Конэчняк, синтаксические калки говора жителей деревни Вершина подразделяются на:

- 1) конструкции, выражающие принадлежность: *u každ'ego* ‘každy ma’, ЖІ: U každ'ego swoja bania (ср. рус. у каждого); *u k'aždej* ‘každa ma’, МІ: Ja dužo babków znam. U k'aždej swój akcent (ср. рус. у каждой); *u mńe* ‘mam’, МІ: U mńe dwie córki starsze; ЖІ: Teraz to u každego jest mama i tata, u mńe to to mama i tata byli, a niego [męża] dziadka zabrali, ojca zabrali [o wojnie] (ср. рус. у меня); *u Ńej jest* ‘ona ma’, ЖІ: U Ńej jest córka i dwa syny (ср. рус. у нее два сына);
- 2) конструкции, выражающие повторяемость и частоту выполняемого действия: *k'ažda Ńež'ela* ‘co tydzień’, ЖІІ: [Do kościoła] chodzę, no nie k'aždom Ńež'elen (ср. рус. каждую неделю); *k'aždy źeń* ‘codziennie, kaźdego dnia’, ЖІ: Zachodźcie, k'aždy źeń zachodźcie; ЖІІ: [Ksiądz] Ignacy k'aždy źeń do dzieci przychodził (ср. рус. каждый день); *k'aždy raz* ‘za kaźdym razem, kaźdego razu’, МІ: Nie k'aždy raz daje się tak wszystko zapamiętać; МІ: Przed spaniem k'aždy raz się modłę (ср. рус. каждый раз); *k'aždy rok* ‘co roku, kaźdego roku’, ЖІІ: K'aždy rok chyba, cztery były [o częstotliwości wycieczek]; ЖІІ: Dužo dzieci [jeździ do Polski]. Wnuk k'aždy rok [jeździ]. W tym roku nie zachciał jechać (ср. рус. каждый год);
- 3) конструкции, связанные с выражением временных отношений: *f čt'ery goź'iny n'ocy* ‘o godzinie czwartej’, ЖІ: Oni jeszcze nie pojechały. Oni jadom z Irkucka f čt'ery goź'iny n'ocy wszystkich (под влиянием русского языка функционирует конструкция с предлогом *v* вместо *o*; ср. рус. в четыре часа ночи); *v źev'ienčżeśunt p'i'erfšym r'oku* ‘w dziewięćdziesiątym pierwszym roku’, МІ: V źev'ienčżeśunt p'i'erfšym r'oku przyjechał biskup Józef Wert. Wam izwiesno? (в порядковом числительном под влиянием русского языка склоняется только последнее слово; ср. рус. в девяносто первом году); *v ośemź'eśunt źev'untym r'oku* ‘w osiemdziesiątym dziewiątym roku’, МІ: V ośemź'eśunt źev'untym r'oku z Polski stali przyjeżdżać księdza (в порядковом числительном под влиянием русского языка склоняется только последнее слово; ср. рус. в восемьдесят девятом году); *do tšex, čt'erex n'ocy* ‘do trzeciej, czwartej w nocy’, ЖІІ: Jak dyskoteka, to spać nie idzie, jak muzyka tu grzmi i grzmi do tšex, čt'erex n'ocy (под влиянием русского языка функционирует конструкция *do* + родительный падеж количественного числительного вместо конструкции с порядковым числительным; ср. рус. до трех, четырех часов ночи); *dvan'aśće g'oźin n'ocy* ‘dwunasta w nocy’, МІ: Gdzieś ty był? Już teraz dvan'aśće g'oźin n'ocy! (конструкция с количественным числительным функционирует под влиянием русского языка; ср. рус. двенадцать часов ночи); *f čt'ery goź'iny n'ocy* ‘o czwartej nad ranem’, ЖІ: Oni jadą z Irkucka f čt'ery g'oź'iny n'ocy; ЖІ: Pani myślała, że ja idę v źev'enč g'oźi'n spać, a ja tu do rana mogę siedzieć (под влиянием русского языка функционирует

⁹ Приведенные выше цитаты переведены с польского языка автором.

конструкция с предлогом *f* + количественное числительное вместо польской конструкции *o* + порядковое числительное; ср. рус. в четыре часа ночи, в девять часов); *f šesn'ašće lat* 'mając 16 lat', ЖI: Ja się urodziłam w Wierszynie, no *f šesn'ašće lat* wyjechałam, a wróciłam w dziewięćdziesiąt drugim roku (конструкция употребляется для определения возраста в момент выполняемого действия; ср. рус. в шестнадцать лет); *f tšyž'este l'ata* 'w latach trzydziestych', МI: Jak dzwoniłam tam był ja zapamiętał, [to było] *f tšyž'este l'ata* (под влиянием русского языка конструкция с порядковым числительным, определяющая годы, употребляется в винительном падеже вместо предложного падежа; ср. рус. в тридцатые годы); *z „od”*, МI: Dziewięćdziesiąty pierwszy [rok] poszedł z pierwszego stycznia [odpowieź na pytanie o wiek] (под влиянием русского языка при определении временных пределов употребляется конструкция с предлогом *z*; ср. напр. рус. с первого января); *z... po...* 'od...do...', ЖI: *Z osiemdziesiątego szóstego roku po dziewięćdziesiąty rok on był tam* (под влиянием русского языка при определении временных пределов используется конструкция *z...po...*; ср. рус. с... по...); *za t'uzeń c'asu* 'przez tydzień, w ciągu tygodnia, w tydzień', ЖI: Co się robi za t'uzeń c'asu [rozmowa o regularnym wzroście cen]; ЖII: W pociągu się wszyscy poznają jak rodzina prawie. Da za šeść dni tak to (под влиянием русского языка для обозначения промежутка времени, необходимого для достижения результата действия, употребляется конструкция *za* + винительный падеж; ср. рус. за неделю, за шесть дней).

- 4) конструкции с количественными числительными «два», «три», «четыре» + Р.п. мн.ч.: *dvaž'ešća tšy slov'ecka* '23 osoby', ЖII: To był wielki klas, *dvaž'ešća tšy slov'ecka* (под влиянием русского языка количественное числительное 'tšy' употребляется с родительным падежом ед.ч.; ср. рус. двадцать три человека); *dva br'ata* 'dwóch braci' МI: Na wojnie *dva br'ata* ojca pogibło (под влиянием русского языка количественное числительное 'dva' употребляется с родительным падежом ед.ч.; ср. рус. два брата); *tšy k'ońa* 'trzy konie', МII: Tutaj dosyć ino bogatych. Tam się w przodzie szczytał, że bogaty – jeden, dwa, tam *tšy k'ońa* i fsio (под влиянием русского языка количественное числительное 'tšy' употребляется с родительным падежом ед.ч.; ср. рус. три коня); *tšy r'aza* 'trzy razy', ЖIII: Ja tam była *tšy r'aza* (под влиянием русского языка количественное числительное 'tšy' употребляется с родительным падежом ед.ч.; ср. рус. три раза).
- 5) разного типа изменения в сфере управления глагола и предлога (Paško 2009: 23-24, Paško-Konecniak 2015: 200): *el'ektryk po šv'atle* elektryk zajmujący się oświetleniem, ЖI: On był *el'ektryk'iem* po *šv'atle* (конструкция употреблена под влиянием русского языка; ср. рус. электрик по свету); *głos'ovać (za k'ogo?)* 'głosować (na kogo?)', ЖI: Za négo my *głosov'al'i*. A zachwacił wszystko, wsio (под влиянием русского языка глагол «głosować» управляет винительным падежом с предлогом *za*; ср. рус. голосовать за кого-н.); *na m'oże* 'nad morze', МI: Jedziemy na *m'oże* oddychać (ср. рус. на море); *prac'ovać (kim?) naučyc'elkom* 'pracować jako nauczycielka', МI: *Naučyc'elkom* instytutu jej mama *prac'uje* (под влиянием русского языка глагол «pracować» управляет творительным падежом; ср. рус. работать учительницей); *pšyj'exać (na čym?)* 'przyjechać (czym?)', МII: A wy na *čym*

pšyj'exal'ísće? MI: Teraz to ja mało do kościoła chodzę. Jak mam na cym zaj'echać, to zajadę (под влиянием русского языка при определении средства транспорта употребляется конструкция с предлогом *na*; ср. напр. рус. приехать на чем); *rozm'av'iać po t'el'efonu* 'rozmawiać przez telefon', MI: Wcoraj rozm'av'iać z nią nawet po t'el'efonu (под влиянием русского языка глагол «rozmawiać» употребляется с предлогом *po*, управляющим дательным падежом; ср. напр. рус. разговаривать по телефону); *'učyć (čemu?)* 'uczycь czegoś', ЖI: Dzieci można všystk'i'emu na'učyć, jak zachcą (под влиянием русского языка глагол «uczycь» управляет дательным падежом; ср. рус. учить всему); *'učyć (co?)* 'uczycь się (czego?)', ЖII: Мы uč'yl'i w szkole niemiecki (под влиянием русского языка глагол «uczycь» управляет винительным падежом; ср. рус. учить немецкий); *z'abrać (k'ogo? co? u k'ogo?)* 'zabrać (кого, со? кому?)', ЖI: U nas przecież zabr'al'i dwadzieścia dziewięć mężczyznów i jedną męża babcię i rozstrzelali wszystkich (под влиянием русского языка глагол «zabrać» управляет винительным падежом с предлогом *u*; ср. рус. забрать что-н у кого-н); *na p'olskim jenz'yku* 'po polsku', MI: W kościele modlitewniki tyż, wszystko na p'olskim jenz'yku (под влиянием русского языка предлог 'po' заменен предлогом 'na', ср. рус. на польском языке); *na samol'oće* 'samolotem', MII: Мы там pojechali na samol'oće; MII: Rano przyjeżdżali priam na aut'obuše do nich (под влиянием русского языка при выражении использования вида транспорта употребляется конструкция с предлогом *na* вместо творительного падежа; ср. рус. на самолете, на автобусе); *ojé'ec sl'aby stal* 'ojciec osłabł, opadł z sił', MI: Nastała rewolucja. Ojé'ec sl'aby stal (конструкция употребляется под влиянием русского языка; ср. рус. отец стал слабым); *p'isać po adr'esax* 'pisać na adresy', MI: Jeszcze kuzyn p'isał po starych adr'esax, po drugiemu te listy szły (под влиянием русского языка возникает интересная конструкция с предлогом *po*, но глагол управляет предложным падежом; ср. рус. писать по адресу); *pš'yjśc šen + unfunumus* 'musieć, trzeba + bezokolicznik', MI: Mój kuzyn opisuwał, jak pš'yšlo šen j'exać pociągiem; MI: Jak im pš'yšlo šen prac'uvac? Trochę rzedkiew pojedli, cały dzień pracować; MI: A tak postavili mi większą izbę, ta tera mnie samemu pš'yšlo šen żyć; (ср. рус. отцу пришлось ехать, пришлось работать, пришлось жить); *všystk'i'ego b'yło* 'łącznie, w sumie', ЖI: Tutaj 16 domów všystk'i'ego b'yło; MI: Do pracy do kołchozu, mnie 13 lat było, všystk'i'ego trzy miesiące (w kołchozie); MI: Te [córki], co sum bliże, to częściej sum [odwiedzają]. Ta córka, co na wostoku, dva r'azy fšystk'i'ego była; (слово 'wszystkiego' употреблено под влиянием русского языка; ср. рус. всего было, всего два раза); *po pšyč'ynie* 'z przyczyny', ЖI: A [córka] to umarła po jakiej pšyč'ynie: u niej połączilo się sotrasienie mozga i dziolcha umarła (под влиянием русского языка польский предлог *z* заменен предлогом *po*; ср. рус. по причине);

- 6) конструкции, определяющие возраст: *jej žev'enž'ešunt tšy* 'ona ma dziewięćdziesiąt trzy lata', ЖI: Ale moja mama to przez drogę idzie, a jej žev'enž'ešunt tšy (ср. рус. ей девяносто три года); *j'emu p'enć lat* 'miał pięć lat', MI: Kiedy stąd wyjeżdżaliśmy, j'emu p'enć lat było (ср. рус. ему было пять лет); *jem'u šesn'ašće* 'on ma szesnaście lat', MII: Drug'imu šesn'ašće, 'ošem i ostatni č'tery (ср. рус. ему шестнадцать (лет)); *m'enžu čterž'ešći p'enć lat* 'mąż ma czterdzieści pięć lat, ЖII: M'enžu [gdy] było

čterz'ęści p'ęnc lat to sąsiady przychodzili, tyż siedzieli (ср. рус. мужу сорок пять лет было); *mnie tżyn'aśće lat b' było* 'miałem trzynaście lat', MI: Do pracy do kołchozu, *mnie tżyn'aśće lat b' było*, wszystkiego trzy miesiące (ср. рус. мне тринадцать лет было); *st'aršy (k'ogo?)* 'starszy (od kogo?)', MI: Dopiero pośle wojny mój kuzyn st'aršy mnie, un napisał [do mnie list] (под влиянием русского языка для определения возрастных отношений употребляется конструкция со сравнительной степенью прилагательного 'старший' + местоимение в родительном падеже; ср. рус. он старше меня).

Отмеченные языковые кальки являются важным фактором, влияющим на постоянное развитие и обогащение словарного запаса говора жителей Вершины. Наличие языковых калек, а также остальных видов языковой интерференции (напр. заимствований, вкраплений или гибридов) показывает динамику развития лексики говора. Следует, однако, отметить, что в настоящее время у жителей Вершины наблюдается тенденция к более частому употреблению русского языка и постепенному вытеснению польского говора, что в будущем может угрожать исчезновением последнего.

Литература:

- Багана Ж., 2007, *Калька и заимствование как результат иноязычного влияния*, [в:] Багана Ж., Безрукая А.Н., Тарасова М.В., «Вестник Российского университета дружбы народов» № 1(9), с. 5-10.
- Гольцекер Ю.П., 1989, *Из наблюдений над особенностями польского говора села Вершина в Сибири*, [в:] Warchoł S., *Interferencje językowe na różnych obszarach słowiańszczyzny*, «Rozprawy Slawistyczne» № 4, с. 133-147.
- Добродомов И.Г., 1998, *Калька*, [в:] *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*, ред. Ярцева В.Н., Москва, с. 158-159.
- Дорошко Э., 2017, *Языковые кальки в говоре жителей деревни Вершина в Сибири*, Торунь (неопубликованная магистерская работа).
- Пасько Д., 2011, *Польский островной говор жителей дер. Вершина в Сибири*, [в:] *Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты*, ред. Гжибовский С., Хорев В.А., Волос М., Москва, с. 72-80.
- Петшик В., 2008, *Маленькая Польша в таежной Сибири*, Норильск.
- Ресутова Э.И., 2014, *Взаимодействие и разграничение лексического заимствования и калькирования (на материале крымскотатарского языка)*, «Филология. Социальные коммуникации», т. 27 (66), № 1, ч. 2, с. 80-87.
- Ananiewa N., 2007, *O polskich gwarach Syberii: projekt badawczy*, «Acta Baltico-Slavica» № 31, с. 25-32.
- Figura L., 2003, *Historia i terażniejszość polskiej syberyjskiej wsi*, [в:] *Wierszyna z bliska i oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii*, ред. Nowicka E., Głowacka-Grajper M., Kraków, с. 71-132.
- Głuszkowski M., 2009a, *Obraz własny mieszkańców Wierszyny – polskiej wsi na Syberii na tle historii ich miejscowości. Na podstawie tekstów pisanych oraz ustnych relacji wierszynian*, «Literatura Ludowa», № 2(53), с. 3-17.

- Głuszkowski M., 2009b, *Z wizytą u potomków polskich osadników w Wierszynie*, «Zesłaniec», № 41, c. 15-28.
- Głuszkowski M., 2012, *Vershina, a Polish village in Siberia, as a language (dialect) Island*, «Zeitschrift für Slawistik», № 4(57), DOI: 10.1524/slav.2012.0033, c. 427-442.
- Grek-Pabisowa I., 1983, *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Krawczyk A., 2007, *Zapożyczenia leksykalne w sytuacji wielojęzyczności. Ukrainizmy, rusycyzmy w gwarze Maćkowiec na Podolu*, Warszawa, c. 59-72.
- Masiarz W., 2016, *Wierszyna. Polska wieś na Syberii Wschodniej 1910-2010. Z dziejów dobrowolnej migracji chłopów polskich na Syberię na przełomie XIX i XX wieku*, Kraków.
- Mitrenga-Ulitina S., 2015, *Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii*, Lublin.
- Nowicka E., 2004, *Wierszyna: antropologiczny opis czy antropologiczna wizja*, «Przegląd Polonijny», № 30, c. 5-25.
- Nowicka E., 2013, *Wierszyna, czyli z morza na ocean*, [B:] *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*, red. Nowicka E., Głuszkowski M., Toruń, c. 13-26.
- Nowicka E., Głowacka-Grajper M (red.), 2003b, *Wierszyna z bliska i oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii*, Kraków.
- Obara J., 1989a, *Kalki jako jeden z przejawów interferencji językowej*, «Rozprawy Slawistyczne», № 4, c. 185-210.
- Obara J., 1989b, *Teoretyczne problemy kalkowania*, Wrocław.
- Paško D., 2009, *O kalkach słowotwórczych w polszczyźnie mieszkańców Wierszyny na Syberii*, «Slavia Meridionalis», № 9, c. 21-28.
- Paško-Konecniak D., 2011a, *Wpływ j. rosyjskiego na zasób leksykalny polskiej gwary mieszkańców Wierszyny na Syberii*, «Acta Baltico-Slavica», № 35, c. 29-38.
- Paško-Konecniak D., 2011b, *Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie*, Toruń.
- Paško-Konecniak D., 2015, *Interferencje składniowe w gwarach wyspowych (na przykładzie rosyjskiej gwary staroobrzędowców z regionu suwalsko-augustowskiego i polskiej gwary mieszkańców Wierszyny na Syberii)*, «Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej», № 50, DOI:10.11649/sfpd.2015.011, c. 195-207.
- Paško-Konecniak D., 2017, *Rosyjskie elementy składniowe w polskiej gwarze mieszkańców Wierszyny na Syberii*, [B:] *Współczesne badania nad językiem rosyjskim i jego odmianami*, red. Dembska K., Paško-Konecniak D., Toruń, c. 333-343.
- Polański K., 1999, *Kalka, klisza, refleks*, [B:] *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, red. Polański K., Wrocław-Warszawa-Kraków, c. 284.
- Umińska A., 2013, *Polskie cechy fonetyczne i leksykalne w gwarze wsi Wierszyna (Syberia Wschodnia)*, [B:] *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*, red. Nowicka E., Głuszkowski M., Toruń, c. 27-42.
- Zielińska A., 1996, *Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*, Warszawa.